

УДК 930(476) «20»:94:327((47+57)+430) «1918–1922»

Рапалльский договор и развитие советско-германских отношений в белорусской постсоветской историографии

С.Н. РОЖКОВА

Проанализировано содержание постсоветской белорусской историографии по проблеме рапалльской политики в советско-германских отношениях. Выявлены основные положения, сформулированные современными белорусскими историками по указанной проблеме. Показано, что большое внимание уделяется изучению роли Беларуси в отношениях между Советским государством и Веймарской Германией.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Рапалльский договор, белорусская историография, СССР, Германия.

In the article the content of post-Soviet Belarusian historiography on the problem of the Rapallo policy in Soviet-German relations is analysed. The basic provisions formulated by modern Belarusian historians on the specified problem are revealed. It is shown that much attention is paid to studying of the role of Belarus in the relations between the Soviet state and the Weimar Germany.

Keywords: soviet-German relations, Treaty of Rapallo, Belarusian historiography, USSR, Germany.

Советско-германские отношения межвоенного периода являлись существенным фактором международной ситуации, поэтому всегда привлекали к себе повышенное внимание историков. Интерес, в частности, белорусских исследователей к этой проблематике обусловлен тем, что характер отношений между Советским государством и Германией существенно влиял на судьбу белорусского народа, формирование белорусской государственности, в том числе и в рапалльский период советско-германских отношений. Историографический анализ наработок белорусских авторов по указанной теме позволяет обобщить имеющийся материал и определиться с направлениями дальнейших исследований. На сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы, в которых давалась бы основательная характеристика содержания современной белорусской историографии по проблеме советско-германских отношений веймарского периода. Имеются отдельные статьи [1], [2], частично затрагивающие данную проблему. Некоторые авторы во введении к монографии перечисляют работы историков по данной теме [3], [4]. Цель статьи – охарактеризовать современную белорусскую историографию рапалльского периода в советско-германских отношениях.

В начале 1990-х гг. начинается новый постсоветский этап развития белорусской германистики, в рамках которого произошло коренное изменение подходов белорусских историков к изучению, в том числе, и рапалльской политики. Важным рубежом в оценке достижений, общего состояния и перспектив исследования рапалльской политики в Беларуси и странах постсоветского пространства стал научный семинар «Рапалльская политика: истоки, традиции и современность», проведенный в 1992 г. в Минске [1, с. 12–17].

Современные белорусские историки определяют целый комплекс причин, обусловивших подписание Рапалльского договора. В.А. Космач, во-первых, указывает на схожесть международного положения Советской России и Германии после Первой мировой войны. Оба государства оказались в роли изгоев Версальской системы международных отношений «от политики и торговли до науки и культуры». В результате, неприятие Версальской системы стало основой для сближения двух стран [5, с. 7]. При этом, в борьбе с Версалем антипольский аспект выступал для России и Германии как первостепенный. Во-вторых, по мнению В.А. Космача, Германию на сотрудничество с Советской Россией толкали опасения, что последняя пойдет на соглашение с Антантой и потребует свою долю репараций. В качестве третьей причины подписания Рапалльского договора отмечается заинтересованность двух стран в экономическом сотрудничестве [6, с. 32]. В.А. Космач указывает, что определенную роль в сближении Советской России и Германии сыграли кампании «пролетарской солидарности» в обеих странах, а также искренние симпатии к России демократически настроенной немецкой интеллигенции [5, с. 10]. Д.А. Мигун акцентирует внимание на том, что Германия,

проиграв в Первой мировой войне, стала второстепенной державой в мире, потеряв все свои колонии и рынки сбыта. Навязанный Германии странами Антанты Версальский договор от 28 июня 1919 г. привел к ее изоляции на международной арене. Это толкало Германию к сближению с Советской Россией [3, с. 46]. Н.Н. Мезга отмечает, что германское руководство рассчитывало на Генуэзской конференции добиться смягчения репарационных выплат, но страны Антанты на это не пошли. Поэтому 16 апреля 1922 г. между Германией и Советской Россией был подписан Рапалльский договор, имевший антиверсальский характер. Таким образом, к сближению Советскую Россию и Германию подталкивала общая цель – ликвидация установленного Версалем порядка [4, с. 20]. Антиверсальский аспект советско-германского сближения отмечен в работах Д.А. Мартиновича [7, с. 185], Ф.А. Шумского [8, с. 152].

При характеристике содержания Рапалльского договора современная белорусская историография отмечает, что он предусматривал возобновление дипломатических и консульских отношений между двумя государствами, взаимный отказ от претензий в вопросах об ущербе, причиненном во время Первой мировой войны, и национализацией в России [9, с. 42–43]. В частности, Советская Россия отказалась от репараций с Германии, предусмотренных статьёй 116 Версальского договора. Германия, со своей стороны, отказалась от претензий в связи национализацией советской властью немецкого имущества на территории России [4, с. 37]. Д.А. Мигун особый акцент делает на то, что договор служил экономическим интересам двух государств, констатирует, что благодаря договору была прервана политическая блокада вокруг РСФСР, и Германия также вышла из международной изоляции [3, с. 49–51]. Оценивая Рапалльский договор, В.А. Космач отмечает, что он открыл возможности для сотрудничества между двумя государствами, в первую очередь, в области экономики, науки и техники [5, с. 33], а также для военно-политических и военно-технических контактов [6, с. 3]. Н.Н. Мезга, оценивая масштабы и направления советско-германского сотрудничества, делает вывод, что согласно Рапалльскому договору Советская Россия и Германия фактически стали союзниками на антиверсальской основе, и сотрудничество с Германией являлось в 1920-е гг. одним из основных факторов советской внешней политики [4, с. 43, 47]. Белорусские историки сделали вывод, что значение Рапалльского договора выходило за рамки советско-германских отношений. В работах Н.Н. Мезги и Г.Г. Лазько показано, что Рапалльский договор привел к изоляции Польши в Центрально-Восточной Европе, образовал для нее геополитические тиски [4, с. 36], [10, с. 15].

В постсоветской белорусской историографии исследуется динамика рапалльской политики. Н.Н. Мезга отмечает улучшение советско-германских отношений осенью 1922 г. после некоторого похолодания в них летом и указывает ряд факторов, которые к этому привели. Во-первых, это желание предпринимательских кругов Германии активизировать экономические отношения с РСФСР. Во-вторых, назначение немецким послом в Москве У. Брокдорф-Ранцау, сторонника советско-германского сближения. В-третьих, подписание соглашения о распространении Рапалльского договора на другие советские республики [4, с. 48].

Современные отечественные исследователи активно изучают белорусский вопрос в контексте советско-германских отношений рапалльского периода. Д.А. Мигун отмечает, что интересы Беларуси в Рапалльском договоре не учитывались, так как Беларусь, как наиболее пострадавшая от событий Первой мировой войны, ничего не получала в качестве компенсации от Германии. В тоже время, благодаря рапалльской политике Германия официально признала БССР, что позволило вывести на новый уровень белорусско-германские отношения [3, с. 50]. По условиям соглашения от 5 ноября 1922 г. о распространении условий Рапалльского договора на союзные с РСФСР советские республики, отмечают исследователи, БССР получила право создать в Германии свои торговые бюро, белорусские граждане уравнивались с гражданами РСФСР в плане защиты их прав в Германии. Советская Беларусь обязывалась воздерживаться от антиправительственной пропаганды в Германии [9, с. 43], [11, с. 65]. По дополнительному договору, отмечает Д.А. Мигун, граждане, прибывающие на территорию другой стороны, пользуются правовой охраной их личности в соответствии с международным правом и законами того государства, в которое они прибывают. Благодаря приграничному положению БССР с Западной Европой и прохождению транзитного пути для торговых отношений СССР с Западной Европой, белорусскому руководству Москва разрешила иметь собственного торгового представителя в Германии [12, с. 15], [5, с. 6].

Белорусские историки делают вывод, что в 1920-е гг. успешно развивались торговые, научно-технические и культурные связи между БССР и Германией. Был установлен обмен между белорусским и немецким научными центрами. Развивались связи между спортсменами [13, с. 29], [5, с. 43–44]. В 1922–1923 гг. на экспорт из Беларуси вывозилось 20 наименований товаров. По темпам роста экспорта в Германию Беларусь вышла на одно из первых мест среди союзных республик. В 1925–1926 гг. экспорт белорусских товаров превышал импорт в 4 раза, что было характерной чертой внешней торговли БССР [5, с. 45].

Не менее важным моментом в советско-германских отношениях были культурные связи между Советской Россией и Германией. В.А. Космач называет четыре фактора, которые сыграли решающую роль в активном сотрудничестве Германии с СССР в культурной сфере в 1917–1932 гг.: во-первых, стремление Германии выйти из международной изоляции во внешней культурной политике; во-вторых, активное культурное сотрудничество с Советской Россией могло быть фоном для военного сотрудничества с советским руководством в обход Версаля; в-третьих, с помощью культурных связей Германия популяризировала немецкий образ жизни и собирала информацию о советском государстве, используя шпионаж; в-четвертых, через культурную политику немецкие власти боролись с большевизмом, чтобы вернуть Германию в Европу в число демократических государств [6, с. 141]. Наибольшего развития научно-технические связи достигли в 1922–1932 гг., акцентируют внимание историки. Советские и немецкие ученые провели ряд совместных исследований почти во всех областях науки. Между Советской Россией и Германией велся обмен научной информацией и специалистами в разных сферах науки и техники. Наиболее распространенными формами советско-германского культурного сотрудничества были: участие в выставках и ярмарках, книгообмен, совместные научные эксперименты и экспедиции, проведение недель различных наук и др. [5, с. 71], [14, с. 213–214].

Советско-германские отношения в условиях рурского кризиса рассматриваются Н.Н. Мезгой. Он акцентирует внимание на том, что советское руководство поддержало Германию во время оккупации Рурской области. Автор объясняет позицию Советской России тем, что она старалась сохранить своего единственного союзника в Европе, чтобы не оказаться в полной международной изоляции. Советское руководство понимало, что в случае подчинения Германии французскому влиянию, возникла угроза создания единого блока капиталистических государств против СССР. Поэтому в сложившейся ситуации советское государство оказывало поддержку Германии [4, с. 64]. Автор, анализируя события рурского кризиса, приходит к выводу, что, несмотря на тесное сотрудничество с Германией, в 1923 г. советское руководство готовило социалистическую революцию в Германии [4, с. 98].

Среди современных белорусских историков распространено мнение, что события осени 1923 г. в Германии существенно повлияли на развитие советско-германских отношений. Г.А. Космач отмечал, что немецкая экономика была в кризисном состоянии, государство было на грани полного банкротства. В связи с этим, немецкое руководство решило использовать внеэкономическое принуждение и иностранные займы, чтобы выйти из кризиса. Страны Запада оказали значительную помощь Германии путем реализации плана Дауэса, который был ей выгоден. После принятия этого плана германская экономика стала быстро восстанавливаться, указывал Г.А. Космач [15, с. 54–55]. Н.Н. Мезга в своем исследовании показывает, что в конце 1923 г. Германия стремится к сближению с Западом, чтобы пересмотреть итоги Первой мировой войны. Автор отмечает, что принятие плана Дауэса, намерение Германии вступить в Лигу Наций вызывало беспокойство советского руководства относительно сохранения курса Рапалло в советско-германских отношениях [4, с. 106, 108].

Следующим важным фактором, повлиявшим на развитие отношений между СССР и Германией, стали подготовка и подписание Гарантийного Рейнского пакта. Подготовка Гарантийного пакта, считает Н.Н. Мезга, вызвала кризис рапалльской политики в советско-германских отношениях в начале 1925 г. Германия с помощью этого пакта хотела обеспечить неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, а советское руководство расценило этот факт как создание антисоветского фронта капиталистических государств, прежде всего усилиями Англии [16, с. 60]. Н.Н. Мезга отмечает, что через заключение Гарантийного пакта «Германия стремилась уравновесить свои отношения с Востоком и Западом». Он подчеркивает, что в основе советско-германского сотрудничества лежало стремление оттеснить Польшу к ее

этническим границам. Поэтому в условиях сближения Германии с Западом СССР был заинтересован в сохранении напряженности в польско-германских отношениях, что являлось гарантией сохранения рапалльского курса в советско-германских отношениях [16, с. 62–63].

Н.Н. Мезга отмечает, что подписание Локарнских соглашений создало новую ситуацию в Европе. Поменялась расстановка сил среди европейских держав. Ведущей державой в Европе вместо Франции стала Англия. Германия в Локарно была уже равноправным партнером стран Антанты. Подписание Локарнских соглашений вызывало беспокойство в советском руководстве, так как оно опасалось вовлечения Германии в антисоветский фронт. Советская сторона пыталась нейтрализовать антисоветскую направленность Локарнских соглашений заключением торгового и политического договоров с Германией. В Локарно Германия добилась права самостоятельно трактовать статью 16 Устава Лиги Наций, т. е. самой определять меру собственного участия в санкциях против агрессора. Это позволило Германии, вступая в Лигу Наций, продолжать рапалльскую политику, не идти на разрыв с СССР [4, с. 163, 165], [16, с. 61].

Д.А. Мигун, характеризуя советско-германский торговый договор от 12 октября 1925 г., отметил, что в его основу легли принципы Рапалльского договора, «нашедшие применение в экономической области» [3, с. 57]. Договор регулировал экономические отношения обоих государств. Для Советского Союза было важно согласие немецкого руководства на предоставление «кредита в размере 100 млн. марок для финансирования советских заказов в Германии» [3, с. 58], [5, с. 39]. После подписания торгового договора между СССР и Германией, отмечает автор, в Берлине открылось торговое представительство БССР (Белвнешторг), благодаря чему Германия стала основным внешнеполитическим торговым партнером Беларуси. Промышленные предприятия обоих государств активизировали свою деятельность для закупки необходимых товаров для своих организаций [3, с. 63–64].

Н.Н. Мезга указывает, что к заключению советско-германского торгового договора Германию побудило несколько причин. Во-первых, воспрепятствовать улучшению советско-польских отношений, чтобы оставить актуальной тему ревизии польских границ вместе с СССР. Во-вторых, стремление использовать договор как средство давления на Запад, чтобы вступить в Лигу Наций на германских условиях. В-третьих, подписание торгового договора с Советским Союзом показало стремление Германии к сохранению курса Рапалло [4, с. 163–164].

В современной белорусской историографии в качестве важнейшего элемента рапалльской политики признается военное сотрудничество между СССР и Германией. В.А. Космач акцентирует внимание на том, что разоружение Германии в соответствии с Версальским договором и слабость военно-оборонительных возможностей Советской России способствовали военному сотрудничеству обоих государств. На протяжении всего рапалльского периода Германия в обход Версаля стремилась возродить свой военный потенциал, в том числе используя для этого и территорию СССР, отмечает автор. Сотрудничество Красной Армии и рейхсвера включало самые разнообразные формы: совместные маневры и полевые учения, обмен визитами командного состава, академические курсы и др. [5, с. 77–78], [6, с. 40].

Белорусские исследователи отмечают, что в соответствии с тайными советско-германскими соглашениями рейхсвер получил право создавать на советской территории военные объекты для проведения испытаний вооружений, обучения личного состава [17, с. 39]. В СССР были организованы школы по обучению немецких офицеров, проводились испытания нового вооружения. Советско-германские военно-промышленные предприятия на советской территории маскировались под концессии. На этих предприятиях производили самолеты, боеприпасы и отравляющие вещества. Было открыто три военные школы рейхсвера на территории Советской России: военно-воздушный центр в Липецке, школа химической войны под Саратовом, бронетанковая школа в Казани. На содержание военных школ Германия выделяла огромные суммы, и школы имели важное значение для строительства вооруженных сил Германии. В.А. Космач отмечает, что без Липецка Гитлеру понадобилось бы еще десять лет, чтобы создать современную авиацию [6, с. 71–72].

Высшей точкой в развитии рапалльской политики еще советская историография определила подписание Берлинского договора о нейтралитете. В.А. Космач констатирует, что интересы Германии заставили ее правительство подтвердить рапалльский курс, поэтому 24 апреля 1926 г. министр иностранных дел Германии Г. Штресман и советский посол Н. Крестинский подписали в

Берлине договор о ненападении и нейтралитете. Автор отмечает, что Берлинский договор продолжил рапалльскую политику и улучшил экономическое советско-германское сотрудничество [5, с. 40]. Германия выделила кредит советскому государству на сумму 300 млн. марок. Большая часть этих средств была использована советским руководством для закупок в Германии оборудования и станков для промышленности. Увеличился также советский экспорт в Германию, главными товарами которого были хлебопродукты, мясо, яйца, нефтепродукты, лесоматериалы и пушнина. В 1926 г. на эти товары приходилось более 91 % всего импорта Германии из СССР [6, с. 41].

Берлинский договор стал политической платформой для дальнейшего тесного сотрудничества двух государств, отмечают историки. Н.Н. Мезга подчеркивает, что подписание Берлинского договора о нейтралитете имело важное значение для СССР, так как согласно ему Германия оставляла за собой право не участвовать в санкциях Лиги Наций против СССР [4, с. 185]. Названный автор акцентирует внимание на том, что Германия соглашалась войти в состав Лиги Наций при условии предоставления ей постоянного места в Совете Лиги. Советская Россия опасалась, что это приведет к сворачиванию рапалльской политики, так как Германия будет в составе враждебной СССР группировки. Советское руководство, чтобы сохранить рапалльскую политику, делает акцент на антипольскую направленность советско-германского сотрудничества, отмечает Н.Н. Мезга. Данная позиция стала важнейшим фактором сохранения советско-германских отношений в духе Рапалло и содействовала подписанию Берлинского договора [4, с. 122–123].

Белорусская постсоветская историография не обходит вниманием и проблемы, противоречия, существовавшие в советско-германских отношениях в период Рапалло. В.А. Космач отмечает, что налаживание экономического советско-германского сотрудничества было сложным и противоречивым процессом. В германских правящих кругах делались попытки выдвигать неприемлемые условия, которые тормозили советско-германские отношения. С одной стороны, Германия опасалась, что страны Антанты вытеснят немецкие фирмы с российского рынка. А с другой стороны, немецкие предприниматели хотели устранить советскую монополию внешней торговли, так как желали неограниченных прав выхода на рынок Советского государства. В свою очередь, советское руководство оказывало «идеологический прессинг против капиталистического Запада», что постоянно осложняло советско-германское экономическое и техническое, культурное сотрудничество. Несмотря на существовавшие советско-германские противоречия, отношения между Советской Россией и Германией продолжали развиваться. Уже в 1923 г. немецкие предприниматели имели на территории СССР 16 концессий в торговле и транспорте, 20 – в легкой промышленности. В 1924 г. немецкие фирмы занимали первое место в торговом обороте СССР [5, с. 38]. В.А. Космач отмечает, что правящие круги Германии на протяжении всего рапалльского периода также вели идеологическую борьбу против СССР, особенно в области внешней культурной политики. Автор делает вывод, что немецкое руководство налаживало экономические связи с РСФСР для того, чтобы в России восстановить капитализм [6, с. 41]. Н.Н. Мезга также указывает на негативное влияние идеологического аспекта на советско-германские отношения периода Рапалло. Он отмечает, что Москва, с одной стороны, поддерживала фактически союзные отношения с германским правительством, а с другой – оказывала поддержку коммунистам Германии в их антигосударственной деятельности [4, с. 106].

В целом, современная белорусская историография при исследовании рапалльской политики в советско-германских отношениях исходит из ее антиверсальской направленности. Стремление Советской России и Германии добиться ревизии Версаля, преодолеть международную изоляцию, считают современные белорусские историки, привело к заключению Рапалльского договора. Для обеих сторон он был способом решения целого комплекса международных проблем послевоенного восстановления и развития. Особый акцент делается на важность экономического сотрудничества двух стран. Для белорусских исследований рубежа 20–21 веков характерно сохранение определенных традиций советской историографии с одновременным расширением международного контекста при исследовании рапалльской политики. Признается наличие ревизионистских устремлений по отношению к той же Польше в рамках рапалльского курса не только со стороны Германии, но и СССР. Антиверсальский и антипольский факторы представляются в современной историографии как наиболее важные в определении политики сотрудничества между СССР и Германией. Важным направлением исследований стало изучение места Беларуси в общей системе германо-советских отношений,

конкретизация этапов, основных направлений и форм германо-белорусского сотрудничества. Новым направлением исследований стало изучение военного сотрудничества между СССР и Германией. Исследователями отмечается противоречивый и неоднозначный характер советско-германских отношений в период Рапалло. На наш взгляд, наиболее важными направлениями дальнейшего исследования для белорусских историков должны стать проблема советско-германские отношения в период Рапалло и Беларусь, такие вопросы, как противоречия рапалльской политики, позиция различных партий Германии и политических деятелей и социальных групп двух стран относительно тех или иных аспектов рапалльской политики.

Литература

1. Космач, Г.А. Состояние и проблемы белорусской германистики на современном этапе / Г.А. Космач // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность : тезисы докладов и сообщений участников научного семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Мн. : Изд. МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 3–6.
2. Елисеев, М.Г. Новая и новейшая история Германии в трудах белорусских исследователей (20–30-е годы XX в.) / М.Г. Елисеев, О.Г. Радькова // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы: у 2 ч. – Мн. : Універсітэцкае, 1995. – Ч. 2. – С. 149–157.
3. Мигун, Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д.А. Мигун. – Мн. : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
4. Мезга, Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н.Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 195 с.
5. Космач, В.А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В.А. Космач, Д.В. Романовский. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 155 с.
6. Космач, В.А. До и после Рапалло / В.А. Космач. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 178 с.
7. Марціновіч, Д.А. Вільгельм Кнорын і праблемы Германіі / Д.А. Марціновіч // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мн., 2010. – С. 185–200.
8. Шумский, Ф.А. От Генуи к Рапалло – трудный путь выхода советского государства из международной изоляции / Ф.А. Шумский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск, 2012. – С. 152–159.
9. Тихомиров, А.В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А.В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
10. Лазько, Р.Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р.Р. Лазько. – Мн. : БДУ, 2000. – 354 с.
11. Снапкоўскі, У.Е. Аб пашырэнні Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй на іншыя савецкія рэспублікі / У.Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мн., 2009 – С. 65–70.
12. Мигун, Д.А. Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д.А. Мигун. – Мн. : БГУ, 2001. – 20 с.
13. Ганшевская, И.А. Белорусско-германские экономические, научно-технические и культурные связи в 20-е годы XX века / И.А. Ганшевская // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность : тезисы докладов и сообщений участников научного семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Мн. : Изд. МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 28–30.
14. Саракавік, І.А. Беларуска-германскія навуковыя сувязі (1920-я – пачатак 1930-я гг.) / І.А. Саракавік // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мн., 2017. – С. 212–216.
15. Космач, Г.А. Рабочий вопрос в политике правящих партий Веймарской Германии в 1924–1929 годах / Г.А. Космач. – Мн. : Борисовская укрупненная типография им. 1 Мая, 2003. – 329 с.
16. Мезга, Н.Н. Советско-германские отношения в условиях подготовки Рейнского гарантийного пакта / Н.Н. Мезга // Современная научная мысль. – 2015. – № 4. – С. 59–67.
17. Дешко, И.Ф. К вопросу о военных отношениях между Германией и СССР (1920–1933 гг.) / И.Ф. Дешко // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность: тезисы докладов и сообщений участников научного семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Мн. : Изд. МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 38–40.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ